

СООБЩЕНИЯ и ЗАМЕТКИ

Основные принципы фонематического анализа в дескриптивной лингвистике и их приложение к материалу русского языка

Как известно, дескриптивная лингвистика — это одно из направлений современного зарубежного языкознания наряду с копенгагенской школой — так называемой глоссематикой — и пражским лингвистическим кружком — или так называемой функциональной лингвистикой. Все указанные направления часто объединяются под одним общим названием — структурализма. Некоторые общие положения, разделяемые представителями этих направлений, являются достоянием не структурализма как такового, но всего современного языкознания в целом.

Укажем некоторые из этих общих положений:

1) Понимание языка как системы. Ни один элемент языка не может быть правильно изучен и понят вне связи с другими элементами. Отдельные стороны языка — фонетический строй, грамматика, словарный состав — рассматриваются как отдельные уровни системы языка, образующие особые подсистемы.

2) Строгое различие синхронии и диахронии, т. е. функционирования системы языка (ее современного состояния) и ее развития (истории языка). Преимущественное внимание к синхроническому изучению языков.

3) Стремление найти единый научно-состоятельный метод для изучения разных языковых структур и разных уровней системы языка.

4) Сведение всего реального речевого многообразия к ограниченному числу языковых единиц, образующих систему (фонемы, морфемы, семемы). Понятие о вариантности языковых единиц в речи (аллофоны, алломорфы, аллосемы).

5) Единицы языка характеризуются не только объективными материальными качествами, присущими им как таковым, но прежде всего отношениями к другим единицам, местом в речи относительно других единиц, дистрибуцией.

То, что сейчас называется дескриптивной лингвистикой, зародилось после первой мировой войны. Ч. Фриз, например, считает началом дескриптивизма появление статьи Э. Сэпира «Звуковые модели в языке» (1925 г.), а его зрелость связывает с выходом в свет книги другого крупного ученого — Л. Блумфильда «Язык» (1933 г.).

Следует, однако, отметить, что и сейчас американский структурализм-дескриптивизм не представляет собой абсолютно единообразного направления и включает таких различных лингвистов, как З. Хэррис, Ч. Хокетт, Ю. Найда, Б. Блок, Дж. Трейджер, К. Пайк, Ч. Фриз¹. Теория дескриптивистов не может еще считаться вполне сложившейся, а их методика исследования вполне отработанной, что становится особенно ясно при попытке применить дескриптивные методы к анализу конкретного языкового материала (о чем см. ниже)².

Считают, что своеобразие американского структурализма обусловлено по крайней мере двумя факторами, во-первых, тем, что он складывался как направление под сильным влиянием Сэпира и Блумфильда, особенно последнего с его «поведенческой философией» — бихевиоризмом, и, во-вторых, тем, что с самого своего зарождения

¹ См., в частности, Z. S. Harris, *Methods in structural linguistics*, Chicago, 1951. B. Bloch, and G. Trager, *Outline of linguistic analysis*, Baltimore, 1942. K. L. Pike, *Phonemics. A technique for reducing languages to writing*, Ann Arbor, 1947.

² На неприемлемость для советского языкознания основных философских и идеологических предпосылок структурализма неоднократно указывалось в печати, см.: А. С. Чикобава, Проблема языка как предмета языкознания, М., Учпедгиз, 1959; его же, Бихевиоризм в понимании сущности языка, «Филологические науки», 1958, № 1; М. М. Гухман, Лингвистический механицизм Л. Блумфильда и дескриптивная лингвистика, «Труды ИЯ АН СССР», т. IV, 1954; О. С. Ахманова, О методе лингвистического исследования у американских структуралистов, «Вопросы языкознания», 1952, № 5 и др.

он был связан с практикой изучения весьма своеобразных по строю индейских языков, которые были доступны изучению только в синхронном плане (прошлые этапы их не зафиксированы) и в силу своей неизученности и своеобразия плохо поддавались описанию старыми методами. Методы лингвистического исследования современных дескриптивистов во многом обусловлены непосредственной «полевой» работой с дотоле не изученными, часто бесписьменными языками, к которым нельзя было подходить с меркой и приемами изучения индоевропейских языков.

В настоящее время можно говорить о существовании некоторой совокупности научных приемов описания языка, наиболее полно разработанных для фонематического анализа и дающих в этой области наилучшие результаты.

Методика дескриптивного фонологического анализа исходит из того, что исследователю предстоит иметь дело с неизвестным ему и ранее никем не изученным языком. Описать фонематическую систему какого-либо языка — значит: 1) определить систему фонем, существующих в данном языке, составить их перечень и установить, каким видоизменениям они подвергаются в различных фонетических условиях, и 2) определить, в каких окружениях и в сочетаниях с какими другими фонемами эти фонемы выступают в рассматриваемом языке, а также каковы модели последовательности фонем, существующие в общей фонематической системе языка. В соответствии с этими задачами в фонологическом анализе намечается несколько ступеней.

Первая ступень начинается с фонетической записи речи человека, для которого изучаемый язык — родной. Поскольку описывать звуки¹ незнакомого языка крайне трудно, лингвист должен сделать свою запись возможно более точной, сравнивая незнакомые звуки с уже известными и многократно сверяясь с речью информанта. Затем запись должна быть расчленена, сегментирована сначала на более крупные, затем на более мелкие части — сегменты. Членение производится путем сравнения частично сходных высказываний, подстановки, замены отдельных частей высказывания другими сегментами. Например, при сравнении сегментов *черный стол* и *большой стол* можно выделить части *стол*, *черный* и *большой*, при сравнении сегментов *стол* и *стул* можно выделить сегменты *о*, *у*, *ст* и *л* и т. д. Практически пределом членимости являются отдельные звуки. После того как имеющиеся фонетические записи будут более или менее исчерпывающе расчленены, полезно сделать схему, включающую все установленные сегменты, схему, которая будет в дальнейшем непрерывно проверяться и уточняться.

Известно, что даже в одном и том же высказывании, повторно произнесенном одним и тем же говорящим, звуки никогда не являются полностью тождественными. Поэтому на первых порах составленный исследователем перечень звуков не будет перечнем фонем языка, но неизбежно наряду с собственно фонемами будет включать и некоторые видоизменения фонем — их варианты (аллофоны).

Следующий (второй) этап фонологического анализа — проверка того, все ли звуки, включенные в перечень, являются самостоятельными фонемами или только вариантами таких фонем, и в этом последнем случае они должны быть подведены под соответствующие самостоятельные фонемы.

Понятие фонемы представляет собой одно из наиболее важных и принципиальных понятий всего современного языкознания. Выяснением существенных признаков этого понятия занимались ведущие представители дескриптивной лингвистики (см. работы М. Сводеша, Б. Блока, Дж. Трейджера, Ч. Хокетта, З. Хэрриса и др.²). Не останавливаясь подробно на сущности многочисленных и сложных расхождений в трактовке фонемы у различных дескриптивистов, укажем, что по крайней мере часть из них согласна, что 1) фонема — это класс фонетически сходных явлений, 2) варианты (аллофоны) фонемы находятся в отношении дополнительной дистрибуции и 3) фонема — это элемент фонетической системы языка, находящийся в закономерных связях с другими такими элементами.

Таким образом, основой для подведения тех или иных явлений под одну фонему служат их общие фонетические и дистрибуционные признаки, а также их место в фонематической системе языка в целом. Каждый из этих трех признаков, взятый в отдельности, не является достаточным для определения фонемы; взятые в совокупности, они позволяют правильно решить некоторые сложные случаи. Так, фонетическое сходство — понятие относительное, и само по себе оно не может служить критерием для отнесения или неотнесения каких-то звуков к одной фонеме: например, твердые и соответствующие мягкие согласные можно абстрактно считать фонетически сходными, и во многих языках они действительно являются аллофонами единой фонемы, но в русском языке — это разные фонемы (ср. [мол] и [мол'], [тук] и [т'ук] и т. п.).

¹ Звуки — это наиболее многочисленный и наиболее изученный в большинстве языков класс фонем, поэтому в дальнейшем речь будет идти главным образом о фонемах-звуках. Следует, однако, помнить, что в качестве фонем в языках могут выступать и другие фонетические явления — различные ступени ударения, интонация и т. д.

² M. S w a d e s h, *The phonemic principle, Language, 1934, № 1-2*; B. B l o c k, *A set of postulates for phonemic analysis, Language, 1948, N 1*. См. также работы, указанные в сноске на стр. 66.

Второй критерий определения фонемы подразумевает, что различные фонемы характеризуются некоторыми особенностями дистрибуции, отличающимися от дистрибуции аллофонов одной фонемы. Этот критерий требует разъяснения.

Понятие дистрибуции является одним из ключевых понятий дескриптивной лингвистики. Указания на особенности употребления того или иного явления относительно других явлений встречались еще в традиционной грамматике, но в качестве специального термина «дистрибуция» стала употребляться примерно с середины 30-х гг. XX в. Под общей «дистрибуцией» элемента, и в частности фонемы, понимается вся сумма контекстов, окружений, в которых данная фонема встречается в данном языке. При определении общей «дистрибуции» фонемы следует учитывать: 1) в конце, середине или начале слога, морфемы, слова, высказывания и т. д. она встречается, 2) по соседству и в сочетании с какими звуками, 3) какова ее позиция по отношению к ударению, долготе, тону и т. п.

Наиболее важное значение для фонологического анализа имеет дополнительная дистрибуция. Дополнительной дистрибуцией называется дистрибуция двух элементов в том случае, если они встречаются во взаимоисключающих окружениях, т. е. один элемент встречается в таких позициях и в сочетании с такими звуками, в каких никогда не встречается другой элемент.

Графически формула дополнительной дистрибуции имеет следующий вид:

	C	D	E	F
A	+	+	—	—
B	—	—	+	+

A и B находятся в отношении дополнительной дистрибуции.

Фонетически сходные звуки, стоящие в отношении дополнительной дистрибуции, являющиеся, как правило, аллофонами одной фонемы.

Так, например, в отношении дополнительной дистрибуции в русском языке находятся фонетически близкие звуки [и] и [ы]: [и] встречается только после мягких согласных, где никогда не встречается [ы]. Их, следовательно, можно считать аллофонами одной фонемы¹.

Как аллофоны одной фонемы можно рассматривать в русском языке и звуки [т] (как в «так») и [т^в] (как в «тук»); хотя [т^в] в «тук» лабиализован под влиянием последующего огубленного звука [у]. Будучи фонетически сходными, они находятся в отношении дополнительной дистрибуции: [т^в] встречается перед [у], в позиции, где не встречается [т].

Однако одного критерия дистрибуции, так же как одного критерия фонетического сходства, иногда оказывается недостаточно для определения фонемного статуса того или иного звука. Так, звуки [h] и [ʔ] в английском языке находятся в отношении дополнительной дистрибуции, поскольку [h] никогда не встречается на конце слов и высказываний, а [ʔ] — в начале. И все же под одну фонему их подвести нельзя — между ними отсутствует какое-либо фонетическое сходство.

Существует, разумеется, прямой и более надежный способ установления фонем — выяснение того, какие фонетические явления в данном языке действительно дифференцируют слова и грамматические формы (фонемы), а какие не несут смысловозначительной функции (аллофоны фонем). Для этого необходимо подыскать так называемые минимальные пары, т. е. пары слов или форм, различающихся только каким-либо одним фонетическим признаком, типа *бак — бок — бук — бык* или *сок — сом — сон — сор*. Поскольку действительные минимальные пары в языках обычно немногочисленны, их можно заменить контрастирующими парами в более широком смысле слова, которые подбираются так, чтобы противопоставление, нечетко проявляющееся в одной паре, подкреплялось противопоставлениями в других парах: ср. в русском языке

бор — бак
 сор — ток
 ком — дам и т. д.

Вместе с тем в языках, которые исследователю неизвестны, нахождение минимальных и контрастирующих противопоставлений крайне затруднительно, а зачастую и неосуществимо. Косвенным путем те же результаты можно получить, объединяя в одну фонему фонетически сходные звуки, стоящие в дополнительной дистрибуции.

Особенности аллофонов, находящихся в отношении дополнительной дистрибуции, фонетически обусловлены, т. е. зависят от окружения. Например, взятый в позиции *taʔ*, т. е. в положении между двумя твердыми согласными (t — обозначение любого твердого согласного), гласный [a] русского языка будет перед последующим [ʔ] более напряженным и отодвинутым назад, чем перед любым другим твердым согласным; перед фрикативным он будет более долгим, чем перед смычным; перед глухим — короче, чем перед звонким, и т. д. В позиции *tʔat*, *tʔatʔ*, *tʔatʔ* (наиболее критическим является положение между двумя мягкими согласными *tʔatʔ*) фонема [a] выступает в но-

¹ Существует, однако, и иное мнение, согласно которому [и] и [ы] — разные фонемы.

вых своих разновидностях — там появляются глайды: [иe aei], [иe a], [aeи]¹. Все это будут аллофоны фонемы [a], поскольку ни один из них не встречается в той же позиции, что и другой, т. е. они находятся в отношении дополнительной дистрибуции.

Обратимся теперь к согласным.

В сфере согласных русского языка одним из сложных и спорных вопросов является трактовка заднеязычных [к], [г], [х] и их мягких соответствий. Если остальные пары твердых — мягких рассматриваются как пары безусловно разных фонем, то здесь в настоящее время можно говорить, очевидно, о переходном состоянии от аллофонов к фонемам. В самом деле, [к'], [г'], [х'] не встречаются в русских словах перед гласными переднего ряда. Но, с другой стороны, в последнее время в русский язык проникает много иностранных слов, где заднеязычные, особенно [к'], оказываются перед [y], реже — перед [a], [o]: [мьн'ик'ур] (маникюр), [к'урэ] (кюре), [к'ур / со] (кюрасо), [к'ув'эт] (кювет), [к'ахть] (кахта)] и др. Однако сейчас [к'], [г'], [х'], видимо, еще являются аллофонами, ибо, будучи фонетически близкими к [к], [г], [х], они находятся пока еще в отношении дополнительной дистрибуции, т. е. [к'], [г'], [х'] (если не считать аномальных, иностранных слов) не встречаются перед [a], [o], [y], тогда как [к], [г], [х], наоборот, не могут быть перед [и] и [e].

Помимо твердых и мягких согласных фонем, в русском языке есть ряд глухих — звонких фонем. Однако и здесь наряду с парами фонем типа [п — б], [к — г], [т — д] и т. д. встречаются пары [х — γ], [ц — дз], [ч' — д'ж'], являющиеся аллофонами единой фонемы, поскольку звонкие согласные [γ] [дз], [д'ж'] встречаются лишь в позиции перед звонкими согласными, т. е. по отношению к соответствующим глухим согласным они находятся в дополнительной дистрибуции — глухие согласные никогда не встречаются перед звонкими согласными в пределах слова.

Третий признак фонемы исходит из того, что фонемы являются элементами определенных замкнутых систем и что исследователь, описывающий какую-то часть подобной системы, должен постоянно иметь в виду всю систему в целом. Фонемы любого языка обнаруживают более или менее регулярные соотношения и образуют более или менее последовательные ряды. Регулярный, системный характер соотношений между фонемами языка позволяет решить вопрос о принадлежности того или иного фонетического явления к той или иной фонеме в тех случаях, когда другие критерии не являются полностью доказательными. Так, если в русском языке пары [п — п'], [т — т'], [с — с'] и т. д. являются разными фонемами, то и пары [к — к'] или [г — г'] также, очевидно, должны состоять из различных фонем или, по крайней мере, развиться в сторону превращения в различные фонемы, хотя в настоящее время в указанных парах различие твердости — мягкости, как уже говорилось выше, не используется в качестве смыслоразличительного. Иными словами, противопоставление мягкости — твердости носит в русском языке системный характер. Таким образом, выводы о фонематическом статусе тех или иных фонетических явлений необходимо оценивать с точки зрения всей фонематической системы языка в том виде, в каком она вырисовывается в процессе работы.

Применение трех критериев — признака фонетического сходства, дистрибуционного признака (дополнительная дистрибуция) и признака системных соответствий — дает, по-видимому, наиболее надежные результаты при установлении системы фонем изучаемого языка. Вместе с тем в последние годы среди некоторых дескриптивистов наблюдается стремление, отказавшись от других критериев, опираться при классификации фонем только на особенность их дистрибуции². В основе этого стремления лежит правильная в целом предпосылка — любая фонема любого языка действительно так или иначе своеобразно ограничена в своей дистрибуции, и дистрибуция фонемы действительно является ее важной характерной чертой. Ни у одной пары фонем дистрибуция не является абсолютно тождественной.

Однако, как было указано на VIII Конгрессе лингвистов в Осло в 1957 г., ни одному лингвисту еще не удалось осуществить описание фонематической системы какого-либо языка только на основе дистрибуции ее элементов. И в тех случаях, когда лингвисты отказываются от критерия, например, фонетического сходства явлений, объединяемых в одну фонему, им приходится прибегать к такому «критерию», как реакция информанта или к другим надуманным приемам.

Итак, второй этап фонематического анализа заключается в том, что лингвист должен определить дистрибуцию выделенных им элементов и объединить в одну фонему фонетически близкие явления, характеризующиеся дополнительной дистрибуцией.

Кроме установления фонем и их аллофонов в изучаемом языке, в задачи фонема

¹ См., например, статью Л. В. Бондарко, О характере изменения формантного состава русских гласных под влиянием мягкости соседних согласных, «Вопросы фонетики», Л., 1960.

² Еще в 1941 г. подобные мысли были высказаны в статье З. Хэрриса, одного из вождей крайнего направления в дескриптивной лингвистике. В 1951 г. появилась книга Хэрриса о дистрибутивном анализе — «Методы структуральной лингвистики», представляющая собой наиболее радикальную и последовательную попытку построить лингвистический, в частности фонологический, анализ от начала до конца на чисто дистрибутивном основании.

тического анализа входит также, как указывалось выше, еще одна задача — фиксирование всех возможных сочетаний фонем или аллофонов, установление моделей последовательности фонем, свойственных тому или иному языку.

Описание моделей последовательности фонем составляет одну из наиболее интересных сторон анализа фонологической структуры языка. Каждому языку присущи свои правила сочетаемости фонем, выявление которых входит в задачи особого раздела фонологии, носящего название фонотактики¹.

Особенно своеобразны бывают сочетания согласных фонем. Превосходной иллюстрацией тому служат структурные связи согласных в русском языке, рассмотренные в позиции начала и конца слова, а также на стыках морфем и в положении начала, середины и конца корня, стоящего в середине слова (имена собственные из анализа исключаются)².

Однако простое перечисление всех возможных сочетаний звуков почти ничего не дало бы для характеристики фонологической структуры русского языка. Более важен анализ состава этих сочетаний, для выяснения которого необходимо определить: 1) какие фонемы вообще могут сочетаться между собой в той или иной позиции и какие исключают друг друга; 2) в какой последовательности находятся эти фонемы в данной позиции; 3) каково число членов в тех сочетаниях, которые допускаются в какой-либо конкретной позиции. Исследование сочетаемости согласных фонем в русском языке, проведенное в этих трех направлениях, позволило установить в отношении фонем ограничения тройного рода, которые были сначала определены для каждой позиции отдельно, а затем сведены воедино, обобщены³. Так, в русском языке существуют ограничения в отношении участия фонем в сочетании. Как показало исследование, в русском языке нет ни одной фонемы, которая вступала бы в сочетание абсолютно со всеми согласными во всех позициях. Например:

1) Во всех позициях (кроме стыка морфем, как [л'а́пкь, ^\b\г^н'а́т']) смычные губные исключают смычные заднеязычные.

2) Фонема [в] не сочетается с глухими [п], [ц], хотя с другими глухими согласными может образовывать сочетания [квас, твóрък].

3) Фонема [г] исключает согласные [б'], [з'].

4) Палатальный [й] не может сочетаться с фонемой [ж].

5) Фонема [к] не допускает сочетаний с фонемами [п'], [ш].

6) Фонема [м] исключает фонему [в'], а фонема [н] — фонему [б'].

7) Невозможно сочетание [п'] с [в] и с [м].

8) Фонема [ш] не сочетается из глухих согласных с фонемой [ф'].

9) В русских словах нет сочетаний [л] с [ц] и с [р']. В позиции начала слова невозможно соединение [л] и [р].

10) Фонемы [ж], [ц], [ч'], [ш'] могут быть элементами двухфонемных сочетаний, но никогда не участвуют в трех- и четырехфонемных сочетаниях.

11) Фонемы [м], [ш], [й], [б'], [д'], [з'], [м'], [н'], [п'], [ф'] могут образовывать двух- и трехфонемные сочетания, но никогда не участвуют в четырехфонемных соединениях и т. д.

Для отдельных позиций перечень фонем, не вступающих между собой в сочетание, можно увеличить.

Подобные ограничения могут быть представлены в большей или меньшей степени в отношении любой фонемы русского языка. Лишь фонема [р] сочетается со всеми согласными фонемами (за исключением [ж]), да и то не во всех позициях: так, в начале слов нет сочетания [л] и [р], но оно есть в конце слов и т. д.

Помимо ограничений в отношении участия в сочетаниях, согласные фонемы имеют значительные ограничения в отношении последовательности сочетаемых фонем. При чем между элементами двухфонемных сочетаний устанавливается обратно пропорциональная зависимость, т. е. чем чаще какая-то фонема выступает в качестве первого элемента сочетания, тем реже она наблюдается в качестве второго элемента, и наоборот. Так, в позиции начала слова [р] бывает первым элементом в 7 сочетаниях, а вторым — в 15; [л] в двух сочетаниях выступает первым элементом и в 12 — вторым; наоборот, [с] встречается в 22 сочетаниях как первый элемент и только в двух как второй; [ш] может быть первым элементом в 19 сочетаниях и лишь в двух — вторым и т. д.

Сочетания начала слова, в которых второй элемент сонорный, и сочетания конца слова, где первый элемент сонорный, обладают в современном русском языке наибольшей частотностью.

¹ Термин «фонотактика» предложен Хиллом, см. A. A. Hill, Introduction to linguistic structures, N. Y., 1958, стр. 66.

² В данном разделе статьи используются некоторые результаты исследования, проведенного студенткой Т. Ф. Ефремовой в семинаре по дескриптивной грамматике преподавательницы А. И. Кузнецовой (МГУ).

³ Данные результаты для русского языка получены независимо от результатов Н. С. Трубецкого (см. «Основы фонологии», М., 1960, стр. 272—286) и К. Мейлона (см. K. Malone, The phonemic structure of English monosyllables, «American speech», 1936, стр. 205).

Ограничений в отношении последовательности сочетаемых фонем в русском языке очень много, приведем лишь часть из них.

1) Фонема [ц] может быть только вторым элементом двухфонемных сочетаний (за исключением сочетаний [цв'] и на стыках морфем [цк, цк']).

2) Фонема [м] не может следовать за [п]; [н] не встречается после [ф] и [ц]; [р] никогда не стоит после [л] и [ц], возможна лишь обратная последовательность; не существует сочетания *[цл].

3) Фонема [j] никогда не бывает первым элементом двухфонемных сочетаний в положении начала слова и не встречается ни в одной позиции после [г], [к], [х], [ц].

4) Невозможно употребление [п] после [к] и [ц].

5) Фонема [х] не может следовать за [ц] в двухфонемных сочетаниях.

6) Фонемы [в] и [ф] могут быть только первыми элементами трех- и четырехфонемных сочетаний.

7) Фонемы [з] и [с] фигурируют лишь как вторые элементы четырехфонемных сочетаний.

8) Фонемы [г], [д], [ж], [х] и [ц] никогда не выступают в качестве первых элементов трехфонемных сочетаний.

9) Фонемы [ж], [з], [ц], [ш], [ч], [ш'], [ж] не бывают третьими элементами трехфонемных сочетаний.

10) Не существует трехфонемных сочетаний, в которых второй элемент был бы палатализованным, а первый и третий — непалатализованными.

11) Сонорные никогда не выступают вторым элементом трехфонемных сочетаний.

12) Палатализованные согласные не могут начинать четырехфонемных сочетаний и т. д.

Наконец, необходимо отметить ограничения в отношении числа членов сочетаний.

1) Из всех имеющихся групп сочетаний самую малочисленную составляют сочетания из четырех фонем, которых в русском языке реально существует только 20.

2) Вторую по численности группу составляют трехфонемные сочетания (137 сочетаний).

3) Самую многочисленную группу составляют сочетания из двух фонем. Таких сочетаний в русском языке 588.

4) Сочетаний, состоящих больше, чем из 4-х элементов, в современном русском литературном языке нет.

Итак, в силу указанных трех ограничений в современном русском литературном языке реально существует лишь 745 сочетаний согласных, которые составляют минимальную часть фонетически возможных сочетаний.

Анализ сочетаемости русских согласных показал, что среди русских фонем нет ни одной, которая встречалась бы в тех же окружениях, что и другая фонема; например, в позиции начала слова есть сочетания [пр, тр, кр, пл, кл], но нет *[тл]; или: возможно сочетание звонких [г, д] с [л, н, р], но не встречается сочетание *[бн] при наличии в той же позиции [бл, бр] и т. д.

Иногда сочетания, непривычные для позиции начала или конца слова (вообще отсутствующие или встречающиеся лишь в заимствованных словах), возникают на стыках морфем (как [мц, нц, рц...]).

Помимо выведения правил сочетаемости фонем, интересно установить взаимосвязь двух-, трех- и четырехфонемных сочетаний. Оказывается, между сочетаниями из двух, трех и четырех фонем существует определенная зависимость. В русском языке трех- и четырехфонемные сочетания бинарные, т. е. двучленные. Они состоят из реально существующих двухфонемных сочетаний, число которых ограничено (70 сочетаний), и присоединяемого к ним слева элемента. Такими элементами в трехфонемных сочетаниях в позиции начала слова в большинстве случаев являются [в], [ф], [з] или [с], а в четырехфонемных сочетаниях в любой позиции — [вз, фс] (например, [взг'л'ат, фстр'еч'и, скл'ат, згн'ит'...]). Исключение из этого общего правила составляет сочетания [чстр] и [рств] в словах *монстр* и *черствый*.

Иными словами, сочетания из трех и четырех согласных фонем базируются на основе двухфонемных сочетаний, реально существующих в языке.

Модели сочетаемости звуков в других языках могут быть иными, чем в русском языке. Существуют ли единые для всех языков правила сочетаемости фонем, выяснить пока трудно; для этого необходимо проанализировать модели последовательности фонем во всех языках, сопоставив затем результаты между собой и выведя общие закономерности этих сочетаний. Только после такой предварительной работы можно ставить вопрос о закономерности правил сочетаемости и строить типологию сочетаемости фонем.

Описание фонем и их фонетически обусловленных аллофонов, моделей сочетаемости и последовательности фонем и т. п. составляет научное описание фонематической системы изучаемого языка.

Дескриптивисты постоянно подчеркивают, что приемы дескриптивного анализа языков применимы не только к описанию незнакомого языка, но и при обучении языкам, которое должно строиться на плановом, систематическом сопоставлении фонематических систем изучаемого языка и родного языка учащегося.

А. Кузнецова, В. Мурат